

— Ты... — сквозь одежду Му Цинфэн ощутил холод, исходящий от тела Гу Шаобая, и в его голове тут же возникло желание отчитать его. Но, взглянув на то, как тот прижимается к его груди, он неожиданно смягчился. Решив, что пока не стоит, он подумал, что позже обязательно исправит его характер.

Из всей группы, кроме Лэн Дуна, остальные были элитными стражами «Юйша». Для них даже простая ночная дорога не представляла сложности, и они могли не спать три дня и три ночи, не проявляя ни малейшей усталости. Но Гу Шаобай был другим. Прождав несколько часов в лесу, не поужинав, он был голоден и замерз. Теперь, когда тело согрелось, сонливость тут же накрыла его. Шум ветра в ушах и тряска под ним, словно на скачущем зайце, не смогли помешать его векам смыкаться. В конце концов он полностью облокотился на грудь Му Цинфэна, склонил голову и заснул.

Му Цинфэн крепче обнял его, подбородком упираясь в его холодные волосы. Внутри него разлилось тепло, словно человек в его объятиях был неотъемлемой частью его самого, чем-то, что он не мог отпустить.

Он нежно прижался щекой к его гладким волосам, мысленно повторяя его имя, как в прошлой жизни — с упорством, запутанностью и нежностью...

Уезд Шоуцюань находился в трехстах ли от Цзинлина. К рассвету Му Цинфэн и его спутники переоделись в обычную одежду и, разделившись на небольшие группы, готовились войти в город.

Новое ограбление произошло на окраине уезда Шоуцюань, поэтому проверка на воротах была особенно строгой.

Му Цинфэн, следуя за потоком людей, направляющихся в город, не сводил глаз с Гу Шаобая. Всего за один день быстрой езды лицо третьего молодого господина Гу стало похоже на высушенную хурму, посыпанную сахарной пудрой — бледным и измученным.

Ноги дрожали, и каждый шаг давался с трудом. Если бы не боязнь выглядеть нелепо, он бы, наверное, повис на Му Цинфэне.

Му Цинфэн, поддерживая его, шагал рядом и тихо рассмеялся:

— Я же говорил тебе не ехать, но ты настоял. Думал, что верховая езда — это весело?

Гу Шаобай споткнулся, но почувствовал, как рука на его талии крепче сжалась, помогая ему удержать равновесие. Он взглянул на Му Цинфэна, но промолчал.

Он не хотел отвечать, так как все его силы уходили на борьбу с болью в бедрах. Даже легкое трение ткани брюк о кожу ощущалось как царапание железной щеткой, вызывая жгучую боль.

Раньше он только восхищался тем, как другие лихо скачут на лошадях. Теперь же, впервые оседлав лошадь, он понял, что верховая езда — это не просто сидеть на спине животного. Это настоящее искусство!

Уезд Шоуцюань был небольшим, с двумя главными улицами, пересекающими его с севера на юг и с востока на запад. Все рестораны, лавки и гостиницы располагались вдоль этих улиц.

Чтобы не привлекать внимания, группа разделилась, остановившись в двух соседних гостиницах.

Му Цинфэн приказал всем отдохнуть и выдвинуться к месту ограбления на следующий день вечером.

Войдя в комнату, Гу Шаобай сразу же повалился на кровать, чувствуя, будто его кости развалились. Все тело болело, и он не мог пошевелить даже пальцем.

Всю дорогу они питались лепешками, размоченными в воде. Гу Шаобай был на грани срыва, глядя на эту кашу из лепешек, напоминавшую его собственный мозг, превратившийся в кашу от тряски. Ему было не только противно есть, но и тошнило от одной мысли об этом.

Слыша, как его желудок урчит в знак протеста, он закрыл глаза. Усталость победила голод, и перед тем как погрузиться в сон, он почувствовал, как перед глазами потемнело. Неизвестно, упал ли он в обморок или просто заснул.

Так или иначе, он потерял сознание.

Даже когда Му Цинфэн тихо вошел, снял с него брюки и нанес мазь, он ничего не почувствовал.

Аромат еды медленно проник в его ноздри. Веки Гу Шаобая были тяжелыми, но желудок проснулся.

С большим трудом он открыл глаза, ощущая кислый привкус во рту. Он глубоко вдохнул — да, это был запах паровой рыбы.

Он посмотрел в сторону стола, стоящего в центре комнаты. На нем были расставлены несколько тарелок, и аппетитный аромат исходил именно оттуда.

Маленькое окно, выходящее на юг, было плотно закрыто. Под ним на столике горела тусклая масляная лампа. Му Цинфэн при тусклом свете смотрел на что-то в руках, не отрывая глаз.

Гу Шаобай хотел сесть, но, только приподняв одеяло, вскрикнул и поспешно накрылся. Он обнаружил, что нижняя часть его тела гола, и ни броек, ни нижнего белья не было.

Му Цинфэн повернулся к нему и вдруг засмеялся.

Только теперь Гу Шаобай разглядел, что в его руках был тот самый узел «Цветущая слива девяти дворцов», сплетенный из красной шелковой нити.

Он не ожидал, что Му Цинфэн все это время носил его с собой.

Маленькая искра тепла, возникшая в его сердце, мгновенно была подавлена возмущением из-за его обнаженного состояния.

Он с негодованием прошептал:

— Му Цинфэн, я... что... что это?

Му Цинфэн неспешно подошел к нему:

— Что «что»? Я нанес тебе мазь. Иначе как бы ты завтра ходил?

— Но ты... ты не мог... так! — голос Гу Шаобая звучал приглушенно, словно был обернут ватой.

Му Цинфэн взял чистую одежду с табурета у кровати и положил ее рядом с ним:

— Что «так»? Не стесняйся, это ведь не первый раз...

Бросив взгляд на его покрасневшее лицо, он добавил:

— И ничего особенного там нет, чтобы я тебя съел.

— Ты... — Гу Шаобай едва не выпалил: «Зато лучше, чем у тебя».

Господи, почему ты не заберешь этого человека к себе!

Пока Му Цинфэн, повернувшись спиной, наливал суп, Гу Шаобай поспешно оделся. Затем неохотно подошел к столу, взял чашу и выпил большой глоток супа из бамбуковых грибов и черной курицы. Взяв палочки, он начал ковырять паровую рыбу, мысленно ругая Му Цинфэна: «Му Цинфэн, большой негодяй, я разберу тебя на кости и сниму с тебя кожу!»

Му Цинфэн положил руку на его кисть:

— У тебя что, с рыбой вражда?

— Нет, просто она мне не нравится.

Му Цинфэн усмехнулся:

— Хорошо, продолжай...

Гу Шаобай взял кусочек рыбы и положил его в рот. Ты говоришь продолжать? А я не буду.

Му Цинфэн, зная, что он любит эту рыбу, аккуратно удалил кости и положил нежное мясо в его чашу.

— Я поручил Лэн Дуну узнать о твоём старшем брате. Цзин Юэхэ не тронул его.

— О, так когда его выпустят? — Гу Шаобай остановил палочки, с надеждой глядя на него.

Му Цинфэн ответил:

— Как только я разберусь с делом, он будет освобожден.

Хотя он так говорил, в его голове оставался вопрос: кто подставил Гу Синьбая и с какой целью?

Гу Шаобай был умным человеком, и то, о чем думал Му Цинфэн, он тоже уже понял:

— Как ты думаешь, кто хочет навредить старшему брату? Может, он кого-то обидел на службе?

Му Цинфэн слегка нахмурился:

— Я разберусь. Пока что ешь.

Гу Шаобай опустил голову и продолжил есть, не задавая больше вопросов. Как и в прошлой жизни, он полностью доверял Му Цинфэну.

На следующий день, едва стемнело, Му Цинфэн, Лэн Дун и остальные были готовы выдвинуться.

Лэн Дун вел за собой огромную черную собаку, глаза которой светились, как лампочки, а зубы были белоснежными. Она выглядела устрашающе, но была покрыта пылью, словно только что выкопанная из земли.

Лэн Дун, заметив осуждающие взгляды, усмехнулся:

— Смотритель собак из внутреннего двора сказал, что у нее самый острый нюх. Пусть грязная, но полезная.

Му Цинфэн поручил ему взять собаку, и он долго выбирал в питомнике. Смотритель то говорил, что эта собака нравится такому-то князю, то — что та — такой-то княжне. В итоге осталась только эта, никому не нужная собака, которую все обходили стороной из-за ее агрессивности и прожорливости.

Гу Шаобай прошелся по комнате пару раз, рассеянно посмотрел в книгу.

В углу на маленьком табурете сидел молчаливый человек, оставленный Му Цинфэном для его защиты.

Тот сидел там уже два часа, не произнеся ни слова.

Гу Шаобай отложил книгу и обратился к тени в углу:

— Уважаемый, можно узнать ваше имя?

Человек сидел, опустив голову, не двигаясь и не издавая ни звука, словно каменная статуя.

Гу Шаобай подождал немного, затем пробормотал:

— Может, он глухой?

Внезапно, не двигаясь, человек произнес:

— Тринадцать.

Можно ли считать эту главу сладкой? Думаю, да! Автору кажется, что это очень мило. А вам, дорогие читатели?

<http://bllate.org/book/16730/1538960>